

Возвращался я как-то из Крыма в общем вагоне поезда «Симферополь — Баку». «Прямых» билетов до Москвы не было, поэтому приходилось путешествовать в таких условиях да к тому же с пересадками. Хорошо ещё нам с приятелем удалось вовремя подсуетиться при посадке. Мы оказались в числе счастливиц, успевших захватить себе «цельные» полки и получивших в результате возможность принять нормальное лежачее положение. Те же, кто не успел, ютились по два-три человека на полке. Однако в целом народа было не так уж и много, а потому нас не теснили, и мы ехали в относительном комфорте, если это слово вообще применимо к вонючему, грязному и душному общему вагону.

Стемнело. Во всём нашем злосчастном вагоне не горела ни одна лампочка; не работало даже дежурное освещение и разглядеть что-то можно было лишь когда мимо проносился встречный поезд или мелькали придорожные огни. Не оставалось ничего другого, как залечь на боковую. Смекнув это, приятель живо подложил под голову рюкзак и вскоре уже сладко похрапывал на своей верхней полке. Я расположился внизу. Заснуть толком никак не получалось. По коридору сновали люди, наши «сидячие» соседи то и дело менялись. Возня не утихала ни на минуту, с регулярностью метронома меня задевали, толкали, пихали: Какой уж тут сон! В лучшем случае удавалось задремать на час-полтора, потом меня будили, и все мучения начинались сызнова.

Проснувшись от очередного толчка в бок около трёх ночи, я увидел, что Бог опять послал нам новых соседей. Судя по фигурам и голосам, это была женщина с дочкой лет пяти. Большого рассмотреть было невозможно. Какое-то время женщина обвыкалась в темноте, затем пристроилась с дочкой на противоположной нижней полке, где у окна, облокотившись о стекло, посапывал какой-то дед. Воспользовавшись относительным затишьем, я закрыл глаза и задремал.

Вновь проснулся я минут через сорок. Без видимой причины, если не считать таковой жуткую нечеловеческую духоту. Первое, что я увидел, продрвав глаза, были стройные женские ноги, затянутые в молочного цвета нейлон. Я огляделся.

Дед по-прежнему сопел у окна. Девочка тоже спала: мать уложила её на свободную половину полки и укрыла одеяльцем. Зато ей самой места уже практически не было, и она пристроилась на краешке одной полки, примостив ноги на краешке другой. Моей. При этом юбка у неё сдвинулась, задралась выше колен, и ничем не прикрытые ножки белели во мгле, пленяя и маня, притягивая к себе почище любого магнита. Я обалдело пялился на эти ножки, не в силах оторвать от них глаз. Сказывалось почти месячное воздержание похода.

Несмотря на темноту, женщина каким-то образом почувствовала мой взгляд и принялась оправлять юбку. Чертыхнувшись, я решил было отвернуться к стене, но вдруг понял, что уже не владею собой. Приподнявшись на локте, я какое-то время молча вглядывался в тёмный силуэт женщины на противоположной полке. Она тоже молчала. Наконец я решился.

— Вам, наверно, неудобно там, — натуженно улыбнулся я в темноту. — Идите сюда. Я подвинусь. В тесноте, как говорится, да не в обиде. И дочка ваша поспит спокойно:

Такую чушь я не нёс ещё никогда. Самым естественным ответом на неё была бы хорошая оплеуха или что-то ещё в том же роде. Однако ничего подобного не последовало. К моему немалому изумлению, женщина молча встала, поправила одеяльце на дочке и шагнула ко

мне. Я торопливо подвинулся, пропуская её к стенке. В этот момент вагон тряхнуло сильнее обычного, и перебиравшаяся через меня женщина, не удержав равновесия, мимоходом села, расставив ноги, мне на бедро.

— Извините, — хрипло прошептала она.

— Да что уж там, — галантно отозвался я, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на неё тут же:

Женщина легла на бок лицом к стене. Я пристроился сзади. В тесноте полки наши тела оказались плотно прижатыми друг к другу. Мне в нос ударил будоражащий запах женщины. Ошалевший от долгого воздержания член впился сквозь штаны в туго схваченный юбкой зад, а рука сама собой легла на тонкую талию. Женщина словно ничего не замечала. Осмелев, рука сместилась чуть выше и вскоре уже шарилась по её животу, забираясь под блузку. Ощувив под собой обнажённую кожу, пальцы на мгновение замерли, с силой вжались в неё всей шириной распахнутой пятерни. Потом, отдышавшись, двинулись дальше. К груди. Достигнув её, они некоторое время умиротворённо оглаживали чашечки лифчика, а затем резко рванули его вниз. Что-то затрещало, но я уже не обращал внимания на подобные мелочи. Рука легла на оголившуюся грудь, лаская, тиская эту восхитительную округлость, сжимая её в горсти. В ладонь упёрся твёрдый бугорок соска с напрягшейся и восставшей, словно маленький член, пипочкой. Зажав эту пипочку двумя пальцами, я начал лихорадочно крутить её из стороны в сторону, одновременно вдавливая грудь в хрупкие трубочки рёбер.

Женщина по-прежнему никак не реагировала на происходящее, лишь дыхание её стало учащённым и прерывистым. Моя пятерня двинулась вниз. Протиснувшись под юбку, она поддела трусы и, проскользнув внутрь, принялась играть жёсткими курчавыми волосками. Женщина застонала и, чуть развернувшись в тесноте полки, разжала сомкнутые до сих пор ноги. Мои пальцы легли на её горячую, влажную пизду. Это было последней каплей, переполнившей чашу нашего благоразумия. Мы оба словно обезумели и, отбросив всякую осторожность, ринулись в объятия друг друга. Руки женщины объявили войну моим штанам. Расправившись с ремнём, они с удвоенной силой вцепились в «молнию» и не то сорвав, не то растянув её, сгребли в охапку мой член. Я тоже не терял времени даром, и в тот момент, когда женщине удалось наконец высвободить член наружу, на ней самой не осталось уже ни юбки, ни колгот, ни трусиков. И если первую мне ещё удалось кое-как снять (её счастье, что она была сверху донизу на пуговицах и снималась относительно легко), то колготкам с трусиками повезло меньше и они валялись где-то под полкой, изодранные в клочья:

Секундой позже я уже взгромоздился поверх женщины, готовый войти в широко распахнутые передо мной «ворота», но в этот момент позабытый нами дед заворочался, заскрипел, а вслед за ним всхлипнула и девчужка. Мы замерли, полностью обратившись во слух: На этот раз всё обошлось. Тем не менее продолжать в том же духе мы уже не могли.

— Не здесь, — услышал я шёпот женщины.

Перешагнув через меня (теперь она уже специально проехала по моему бедру своей пылающей пиздой), моя подруга на мгновение выпрямилась рядом с полкой во весь рост. Её обнажённые бёдра тускло поблёскивали во мраке вагона: Быстрым движением натянув на себя юбку и поправив разорванный лифчик, она поманила меня в коридор. Я поспешил за ней, кое-как на ходу запахивая растерзанные штаны.

Спотыкаясь о расставленные повсюду котомки и ящики, мы пробрались в тамбур. Местечко, надо сказать, было ещё то — табачный дым, вонь и прочие удовольствия. Хорошо ещё мы не

могли видеть в темноте всего, что творилось вокруг. Однако привередничать не приходилось — больше идти было некуда.

Едва прикрыв за собой дверь, мы снова бросились в объятия друг друга, даже не подумав подстраховаться на случай, если кто-то войдёт. Прижав женщину к стене, я одним движением вскинул вверх её юбку. Мои пальцы впились в её обнажённые ягодицы, терзая, комкая их, притягивая к себе. Женщина судорожно припала к моим губам. Её рука скользнула по моей спине, забралась под выпущенную наружу рубашку. Вторая рука спустилась пониже и, освободив мой член, направила его промеж распахнутых ног в сгорающую в ожидании пизду. Обхватив меня ногами, женщина со стоном откинулась назад, на стену, и принялась ожесточённо крутить задом, насаживаясь на член глубже и глубже. Наконец, проглотив его практически до основания, она закачалась на нём из стороны в сторону, кряхтя и повизгивая от наслаждения.

С треском рванув блузку, я сорвал с женщины лифчик и уткнулся лицом в её пышные груди, целуя их, покусывая соски: По мере того как меня начинало забирать всё больше и больше, я окончательно терял над собой всякий контроль и вскоре уже кромсал эти нежные полушария не хуже любого хищника. Мял их словно тряпку и кусал, кусал до крови. Женщина, глуша крик, впила зубами в моё плечо. Её зад двигался всё быстрее и быстрее:

Наконец всё было позади. Я спустил, и женщина, со вздохом сожаления разжав плотное кольцо ног вокруг моих бёдер, изнеможённо соскользнула на пол. Некоторое время она так и сидела на полу, не в силах выпрямиться. Наклонившись к ней, я покрывал её лицо, глаза, шею, тело бесчисленными благодарственными поцелуями:

Постепенно женщина оживала. А ожив, начала собирать вокруг клочья того, что когда-то было её одеждой. Только сейчас я обратил внимание, что мы оба стоим в тамбуре практически голые. Вот была бы потеха, если кто-нибудь забрёл бы сюда в этот момент! От нечего делать я тоже начал облачаться в какое-то рваньё: Когда с этим было покончено, мы попытались благоразумно вернуться на свои места, но, столкнувшись у двери, опять оказались в объятиях друг друга. Это было какое-то безумие!..

Первой пришла в себя женщина. Осторожно отстранившись, она шепнула мне на ухо:

— Извини, мне надо сделать кое-какие дела.

И шмыгнула мимо меня в туалет. Услышав звук закрывающегося замка, я совсем было приготовился у туалета и заночевать, как дверь отворилась и послышался жалобный голос:

— Здесь такие дурацкие краны! У меня ничего не получается!

— Давай помогу, — живо, словно всегда готовый пионер, поспешил откликнуться я.

Пропустив меня внутрь, женщина снова заперла дверь на замок. Задрал юбку до пояса и подоткнув подол, широко расставив ноги в стороны, она приготовилась принимать «водные процедуры». Я усиленно пытался не обращать внимания на её позу и не думать о том, что ниже пояса моя подруга опять совершенно голая. Пытаясь оправдать оказанное мне доверие, я с истинно пионерским усердием снова и снова отжимал водопроводный кран, пока наконец окончательно не убедился, что подобная работа мне не по зубам. Пришлось поменяться ролями. Теперь уже мои ладони трудились над пиздой, в то время как сама женщина давила на кран. Однако ей тоже не хватило усердия. Во всяком случае по мере того как я осваивался с новыми для себя функциями и входил во вкус, она всё больше отлынивала от своих прямых обязанностей, а вскоре и вовсе плюнула на них и, вцепившись руками в раковину умывальника, принялась поскуливать от удовольствия. Судя по тому как быстро увлажнялись

мои ладони (и это была уже отнюдь не вода), чувствовала она себя совсем не плохо:

Кончив, женщина опустилась передо мной на колени и, спустив штаны, начала колдовать над моим поникшим членом при помощи язычка. Язычок её был нежен и страстен одновременно. Временами я ощущал прикосновение острых маленьких зубок. Это было нечто! И мой член, оценив старания женщины, стал понемногу оживать в тугом кольце её плотно сомкнутых губ.

Доведя его до кондиции, женщина отстранилась в сторону, предоставив действовать мне. Развернув её лицом к умывальнику, я коснулся членом упругой задницы.

— Можно?

— Угу, — она уже была согласна, похоже, на всё.

Наклонив женщину пониже и разведя ей ноги как можно шире в стороны, я принялся осторожно вкручивать в неё свой член. Обильно покрытый слюной, он достаточно свободно скользил меж её ягодич, постепенно забираясь всё глубже и глубже: В тишине спящего вагона слышалось лишь наше тяжёлое дыхание да всхлипы моей подруги.

— Больно?

— Нормально: — с трудом между двумя стонами выдохнула она. — Давай же: Давай:

Я начал двигаться смелее и энергичнее. Узкое отверстие плотно сжимало разгорячённый член. Ещё чуть-чуть, ещё: Член запульсировал, вздрогнул и начал извергать из себя тёплые сгустки влаги:

Откинувшись на стену, я отрешённо наблюдал в свете встречного поезда за мутно-белой струйкой семени, сочившейся меж двух округлых полушарий и стекавшей затем по ногам женщины. У меня не было сил даже поднять штаны:

Проснувшись утром, я обнаружил, что моей ночной феи простыл и след. Должно быть, сошла с дочкой на одной из промежуточных станций. На столе меня ждала огромная желтобокая дыня с приколотой перочинным ножиком запиской. В записке было всего две фразы:

«Приятного аппетита!» И ниже: «Спасибо за всё».

Собирая вещи, я обнаружил под своей полкой изодранные в клочья колготки и изящные кружевные трусики. Всё, что осталось от этого мимолётного романа. Забавно: я так и не спросил у женщины её имя. А впрочем, что имя, ежели я не разглядел толком даже её лица!

Октябрь 1991 — май 1993 г.